

Алексей Осипов

«Без рассуждения нет добродетели»

Существует стереотип о верующих как о глупых и недалеких людях, а о Церкви как о месте, где не любят умных и вообще не советуют прихожанам думать. О том, почему такие стереотипы появились, так ли уж далеки они от правды и вообще — нужен ли христианину разум, мы беседуем с известным богословом, профессором Московской духовной академии Алексеем Осиповым.

— **Алексей Ильич, позвольте начать с несколько неожиданного вопроса, над которым мы обычно не задумываемся: зачем вообще человеку ум?**

— Мне вспоминается эпизод из одного очень интересного диалога. В ответ на эволюционную идею Дарвина о происхождении видов его друг Уоллес присылает ему записку с коротким вопросом: «А зачем обезьяне ум философа?» Дарвин, не найдя ответа, начертил на записке лишь гневное «Нет!». Ему можно посочувствовать. Действительно, обезьяна идеально приспособлена к своим условиям жизни, и природе незачем было усовершенствовать ее до существа с умом философа.

Ум, прежде всего, и делает человека человеком, в противном случае он был бы еще одним животным. Именно потерей человеком своего умственного достоинства был обусловлен и страшный Божий приговор предпотопному человечеству: «*Не может Дух Мой пребывать в этих людях, так как они стали плотью*», то есть единственной целью их жизни стало удовлетворение исключительно животных потребностей: получение пищи и наслаждений. (Как всё более актуальным становится это в связи с пропагандируемым сегодня образом жизни!) Не потому ли и великий древнегреческий философ Платон был убежден, что обезьяны — это бывшие люди, выродившиеся в результате чисто животного, без-умного образа жизни.

— **Но ведь ум часто отождествляется с полной свободой познания, а у религии есть догматы, от которых отступать нельзя и критиковать их тоже нельзя.**

Алексей Ильич Осипов

Известный богослов, педагог и публицист.

Родился в 1938 году в городе Белеве Тульской области. В 1963 году окончил Московскую духовную академию. С 1965 года преподает в Московской духовной академии. Читает лекции по основному богословию на пятом курсе семинарии и первом курсе академии. Научные интересы — основное богословие (апологетика), западные исповедания, аскетика. Выступает в различных аудиториях с лекциями и беседами, значительная часть которых получили распространение на кассетах, дисках и в Интернете.

Профессор Московской духовной академии; доктор богословия, член Президиума Межсоборного присутствия Русской Православной Церкви, академик РАЕН.

— Во-первых, относительно *свободы познания* всё не так просто, как это может показаться на первый взгляд.

Прежде всего, о *свободе*. Понимаемая как беспредельная возможность действия — она есть чистая фикция. Человек уже в силу ограниченности своей природы всегда и везде ограничен в своей деятельности.

Если говорить о *свободе познания*, то здесь нужно просто остановиться перед непреодолимой бездной, открывающейся на пути человека. О ней всегда говорили философия и религия, но теперь об этом во весь голос сказала и наука. Можно бы привести множество высказываний ученых по этому вопросу. В качестве примера сошлюсь на крупнейшего американского физика Ричарда Фейнмана, который в одной из своих лекций доказывал студентам, «*почему наука недостоверна*», и заканчивал выводом: «*а если вы думали, что наука достоверна, — вы ошибались*». Один из творцов квантовой механики Вернер Гейзенберг, говоря о проблемах, связанных с изучением микромира, прямо утверждал, что здесь мы так же, как и в других областях, «*вплотную наталкиваемся на непреодолимые границы человеческого познания*». Наш отечественный ученый Борис Ахлибинский пришел к такому заключению: современное «*развитие теории познания показало, что никакая форма умозаключений не может дать абсолютно достоверного знания*». Но если это так, то так называемая *полная свобода познания* оказывается скорее мечтой, нежели реальностью.

Теперь в отношении христианских догматов. Эти истины являются для религии такими же постулатами, как для естествознания постулаты о реальности постигаемого мира, закономерности его устройства и его познаваемости человеком — *от которых отступать нельзя и критиковать их тоже нельзя*. Они недоказуемы и являются лишь необходимой верой, без которой наука в принципе невозможна. Об этом говорят сами творцы науки. Так, Эйнштейн прямо заявлял: «*Вера в существование внешнего мира, независимого от воспринимающего субъекта, есть основа всего естествознания*». Отец кибернетики Норберт Винер писал: «*Без веры в то, что природа подчинена законам, не может быть никакой науки*», хотя «*невозможно доказательство того, что природа подчинена законам*».

— **А положены ли какие-то пределы уму: здесь вот остановись, не рассуждай?**

— Да, в религии, как и в науке эти пределы есть. Если ученый перестанет верить в объективное существование мира и его познаваемость, то он больше ничего не познает. Так и в религии: если человек перестанет верить в суще-

НЕНЕКУДОМЪЖНО

...Разум! Разум! И клянут его, и хвалят, но и те, кои клянут его, знают, что без разума ничего не поделаешь... И вере без разума нельзя. Разум верный в область веры ничего не пустит такого, что может портить ее тенор, — например, суеврия.

Феофан Затворник

Сон разума рождает чудовищ. Франсиско Гойя. 1797

МНОГОБЕЩАННЫМ СЛУЧНЕМ
ТРЕСНЫ СПЛЕТЭНЫ

Строительство Вавилонской башни. Хендрик ван Клив III. XVI в.

ствование Бога и возможность Его познания, то ему ничего не откроется в духовной жизни. И здесь, и там — скепсис ума: «Остановись»!

Но есть и другая сторона этого вопроса, не менее важная. Современное состояние научно-технического развития уже ставит человека перед угрозой самоуничтожения. Академик Никита Моисеев предупреждал, что в результате этически неконтролируемого развития «могущество нашей цивилизации многим начинает казаться каким-то монстром, с которым человечество, его породившее, не в состоянии справиться». «Глобальная катастрофа, — предупреждал он, — может подкрасться совершенно незаметно и разразиться столь стремительно, что никакие действия людей уже ничего не смогут изменить».

«Основы социальной концепции Русской Православной Церкви» остро поставили вопрос о границах развития биотехнологии, возможности которой вплотную подошли к последнему страшному искушению науки — изменению природы самого человека, то есть его уничтожению как человека, как образа Божия. И всё это происходит по вполне очевидной причине: человек возомнил себя богом, отверг какие-либо пределы деятельности своего ума, и уже не может остановиться. Эта так называемая «свобода» ума от нравственных начал жизни, от Христа, приводит его к самоубийству. Как прав был Иван Аксаков, произнеся свои пророческие слова: «Прогресс, отрицающий Бога и Христа, в конце концов, становится регрессом; цивилизация завершается одичанием; свобода — деспотизмом и рабством. Совлекаясь с себя образ Божий, человек неминуемо совлечет — уже

совлекает с себя — и образ человеческий и возревнует об образе зверином»!

Христианство утверждает, что нет истины там, где господствует гордость, где нет истинной любви. Здесь предел, здесь остановись, ум, иначе погибнешь! Потому преподобный Каллист Катафигиот сказал: «Ум должен соблюдать меру познания, чтобы не погибнуть» в своих горделивых изысканиях. Этот принцип одинаково верен и равно распространяется как на работу ума во внешней, научной сфере деятельности, так и в религиозной, в духовной.

Грех глупости

— Тогда такой вопрос: является ли глупость — грехом?

— С христианской точки зрения спасение определяется не характером полученных человеком от природы свойств, но тем, насколько праведно он использовал их. Поэтому одно дело глупость как природная недалекость ума, с которой рождается человек, и совсем другое, когда речь идет о глупости, в которой он сам виноват.

Рождаются и гении, и люди весьма простые. Среди святых мы знаем и мудрейшего святителя Василия Великого и преподобного Павла, прозванного Препростым. Но совсем другое, когда человек приобретает глупость своей жизнью по страстям, вполне понимая, что он делает. Тогда он уже несет ответственность за свою глупость.

Скажем, я сажусь за стол и объедаюсь, понимая, что делаю неправильно, ведь, как говорит пословица, сытое

брюхо к учению глухо, а тем более к молитве. От моего обжорства парализуется моя духовная жизнь. Глупость я делаю? Да. Еще худшая глупость — пьянство. И, наверное, самая страшная глупость — полное погружение в «суету житейскую», которая не оставляет мне уже ни минуты задуматься о своей душе, о смысле жизни, о Боге и молитве. Суета может настолько оглуплить человека, что он становится неспособным к самому главному — к духовной жизни. Это уже в полном смысле слова греховная глупость, потому что человек действительно сам виновен в ней.

Такой же грех, кстати, совершают и богословы, когда забывают о том, ради чего пришел Христос, основал Свою Церковь и, следовательно, каково единственное назначение богословия. Ведь его цель — указать верующим верный путь спасения, критерии его истинности, необходимые средства для достижения спасения, опасности, стоящие на этом пути. Богословие же разрослось в такую грандиозную науку, в которой эти вопросы фактически полностью утонули в океане мертвой схоластики. Об этом в XVI веке блестяще написал Эразм Роттердамский в своей знаменитой «Похвале глупости». «*Пустословя в школах, — говорит он, — мнят они, будто силлогизмами своими поддерживают готовую рухнуть Вселенскую церковь*». Эразм пишет о католическом богословии. Но на его дрожжах возросло и школьное православное богословие.

А как оценивать такие факты, когда из-за того, как креститься — двумя или тремя перстами, ходить с крестным ходом посолонь или против солнца, сугубить или тригубить аллилуйю и прочих подобных вещей, христиане ненавидели друг друга, преследовали, убивали и прочее? Это разве не глупость, за которую они ответят перед Богом?!

— Существует мнение, что в Церкви много необразованных и глуповатых людей, попросту неучей, которые не стремятся к тому, чтобы думать.

— Дело в том, что такие люди есть во всех слоях общества. Они есть и в Церкви, и не в Церкви. Как есть и умные люди и здесь, и там. Сколько, например, известнейших деятелей науки, искусства, литературы, музыки, педагогики, сколько полководцев, философов, политиков как на Западе, так и на Востоке были искренними христианами! Только по открытой неприязни к Церкви или полному невежеству можно говорить о ней как о собрании необразованных, глупых и невежественных людей, которые не хотят ни о чем думать. Достоевский писал, что его осанна через горнило сомнений прошла. И как много было и есть тех, осанна которых Христу также прошла и проходит через дебри сомнений! Да, таких людей в сравнении с общим числом верующих не столь много. Но много ли тех, которые к неверию пришли через такие же внутренние страдания в поисках истины? Уверен, ничтожно мало.

— В церковной среде распространено мнение, что раз есть духовник, то пусть он и решает все мои проблемы, а дело верующего — исполнять. Люди говорят: зачем думать, когда можно прийти к духовнику, и он все скажет и решит?

— Это одна из серьезнейших опасностей, перед которой сейчас оказалось огромное количество наших православных христиан. Действительно, люди часто пытаются свалить на духовника решение практически всех проблем, даже бытовых. Совсем забыли, что духовник должен решать вопросы духовной жизни, а не то, козу купить или корову, и где жить — в Орле или Херсонесе?

Происходит это часто потому, что многие просто не знают, как избирается духовник и каковы должны быть правильные с ним отношения. Оба эти вопроса чрезвычайно важны для нашего времени, когда, с одной стороны, все ищут духовников, а с другой — спрос рождает предложение и появилось много честолюбцев, жаждущих быть таковыми. Конечно, ответы на эти вопросы нужно искать у несомненных авторитетов — у святых отцов.

На первый вопрос, как избрать духовника, с полной определенностью отвечает один из великих наставников духовной жизни, преподобный Иоанн Лествичник: «*Когда мы... желаем... вверить спасение наше иному, то еще прежде вступления нашего на сей путь, если мы имеем сколько-нибудь пронизательности и рассуждения, должны рассматривать, испытывать и, так сказать, искусить сего кормчего, чтобы не попасть нам вместо кормчего на простого гребца, вместо врача на больного, вместо бесстрастного на человека обладаемого страстями, вместо пристани в пучину, и таким образом не найти готовой гибели*». Ответ ясен: с большой осторожностью и лишь после тщательного знакомства можно вверить спасение наше иному. Преподобный Нил Сорский писал: «*И се убо реша святые отцы: яко и тогда едва обреташеся учитель непрелестен таковым вещем; ныне же, до зела оскудевшим, подобает искати люботрудне*». Святитель Игнатий, приводя эти его слова, подчеркивает: «*В наше время делателю молитвы необходимо наблюдать величайшую осторожность. Богодуховенных наставников нет у нас!*». Под богодуховенными он подразумевал тех, которые получили дар видеть душу человека.

Каковы должны быть отношения с духовником? В монастырях среди монашествующих, когда находился духовный старец, отношения строились на беспрекословном послушании послушника старцу, с которым он находился неотлучно. Но такое случалось очень не часто по причине редкости таких старцев и послушников, способных к духовной жизни.

В миру отношения мирянина со своим духовником имеют совершенно иной характер, они строятся на основе только совета, но не послушания. Духовник — это друг, а не начальник, а друзьям не приказывают. Именно о *совете* со всей решительностью заявляют в XIX столетии наши общеизвестные святые наставники Игнатий Брянчанинов, Феофан Затворник, Оптинские старцы. Святитель Игнатий, например, писал: «*По учению отцов, жительство... единственно приличествующее нашему времени, есть жительство под руководством отеческих писаний с советом преуспевших современных братьев; этот совет опять должно проверять по писанию отцов*».

Это указание святителя имеет для настоящего времени особенно большое значение. Всё чаще можно видеть, когда на духовника смотрят как на языческого оракула, который, каким бы он ни был, говорит от имени Бога, и потому любые его слова принимаются как истина в последней инстанции. Такое отношение приводит к тому, что внутри Церкви возникают настоящие тоталитарные православные секты. Апостол Павел пишет: *Вы куплены дорогою ценою; не делайтесь рабами человеков* (1 Кор 7, 23). А теперь нередко видим прямо противоположное отношение, доходящее до фанатизма. Потому святитель Игнатий настойчиво предупреждал: «*Охранитесь от пристрастия к наставникам. Многие не остереглись и впали вместе с наставниками в сеть диаволу... Пристрастие делает любимого человека кумиром: от приносимых этому кумиру жертв с гневом отвращается Бог*».

Совет духовника не обязывает верующего к беспрекословному его исполнению. Если ответ вызывает смущение, то можно спросить совета и у другого. Можно обсудить, почитать литературу. В конце концов, можно и не принять совета, если он явно противоречит учению Церкви или просто здравому смыслу (и такое бывает), и это не грех. Духовник так же может ошибаться, как и все прочие люди. Преподобный Пимен Великий велел даже немедленно разлучаться со старцем, общение с которым оказывается душевредным.

Кстати, настоящий старец отличается от лжестарца смирением, и обладая даже дарами Божьими, не покажет этого. Он прячется от людей, никогда не изобразит из себя пазоролливца, чудотворца, никогда не будет публично заниматься изгнанием бесов (так называемой отчиткой)! Святитель Игнатий писал о лжестарцах, гонящихся за

славой человеческой: «*Душепагубное актерство и печальнейшая комедия — старцы, принимающие на себя роль древних святых старцев, не имея их духовных дарований*».

Поэтому, когда люди говорят «батюшка сказал», то это есть не что иное как самооправдание. Они сами просто не хотят думать, не хотят читать святоотеческую литературу, не хотят молиться, занимаясь, часто, не осознавая этого, прямым самообманом, прикрываясь духовником, избрание которого совершили совсем не по наставлениям святых отцов, а по своим личным, большей частью далекими от духовных запросов, симпатиям.

— Уже не раз звучали грустные голоса, что, мол, люди в храмах книг не покупают, не хотят ничего читать,

а если и берут, то не серьезную христианскую литературу, а что-нибудь вроде «кому молиться от зубной боли».

— Наш народ, продолжая считать себя православным, все более сползает в язычество (простите за столь сильное утверждение). Сейчас уже много признаков этого. Возьмите хотя бы непрерывно издающиеся книги, в которых расписано, какой святой от чего помогает... кто от печенки, кто от селезенки. А что с иконопочитанием происходит? Во что превращают эту догматическую истину Церкви! Оказывается, нужно знать перед какой иконой молиться и какую именно молитву читать — иначе не поможет. Ведь так и хочется спросить: прежде чем совершать молебен перед «Неупиваемой чашей» от пьянства, не полезнее ли было бы помолиться перед иконой

Гносеомехия — ересь незнания

Существует распространенное мнение, что верующему человеку не нужно знание, отсутствие которого, якобы можно с лихвой компенсировать личным благочестием и мистическим опытом. Проще говоря: не надо учиться, не надо исследовать Писания, достаточно просто жить по Заповедям, и Бог, если потребуется, сам откроет тебе все, что нужно. Такие соображения часто можно услышать от верующих людей. Однако они, возможно, не знают, что, говоря такие вещи, проповедуют ересь, осужденную Церковью много веков назад.

Речь о так называемой гносеомехии, что переводится с греческого как «борьба со знаниями». Это учение исключает знание из числа добродетелей, объявляя его ненуж-

Отношение Церкви к гносеомехам — весьма негативное, еще в VIII веке святой Иоанн Дамаскин включил гносеомехию в составленный им список ересей.

Известно, что многие еретические учения и теории постепенно сходили с исторической арены, теряя своих приверженцев, но вот идеи гносеомехии оказались весьма живучи. Например, через четыре столетия после Иоанна Дамаскина о той же проблеме писал другой святой, Евстратий Солунский. В книге «Об исправлении монашеской жизни» он говорит о том, что нежелание познавать, учиться и преуспевать в науках становится настоящим бичом монашеской жизни Византии, стоявшей к тому времени уже в двух шагах от своего краха. В тексте святой позволяет себе не только серьезные

размышления, но и весьма резкие выпады в адрес своего потенциального оппонента — монаха, отвергающего знание. «Ах ты, невежда! Зачем ты хочешь сделать монастырскую библиотеку пустой, подобно душе своей? Зачем, не имея сам никаких познаний, ты лишаешь библиотеку драгоценных в научном отношении сокровищ? Оставь библиотеке скрывать в себе драгоценности! После тебя войдет кто-нибудь или изучивший науки, или только любознательный; тот, исследовав книги, будет мудрее прежнего, и этот найдет что-нибудь

...Они отвергают необходимость для христиан всякого знания. Они говорят, что напрасно дело делают те, которые ищут каких-либо знаний в Божественных Писаниях, ибо Бог не требует от христианина ничего, кроме добрых дел. Итак, лучше жить скорее попроще и не любопытствовать ни о каком догмате, относящемся к знанию.

Описание ереси гносеомехии (№ 88 в каталоге ересей прп. Иоанна Дамаскина)

для себя. Да и тебе не худо бы поучиться!» Идею отказа от разума критиковали и другие видные деятели Церкви, например, святой Иоанн Златоуст, блаженный Иероним Стридонский и другие.

Увы, в том или ином виде эта живучая концепция продолжает существовать и по сию пору. Однако сколько бы ее сторонники ни объявляли себя православными, позиция Церкви остается неизменной: отказ от рационального познания считается ересью. ■

«Прибавление ума»? Происходит очевидное возвращение под флагом Православия к тому язычеству, которое видим в Древней Греции, в Древнем Риме. Там каждый бог имел свою сферу деятельности и помогал в пределах этой сферы. И вот теперь у нас совершается нечто подобное. Это настоящая беда, которая, боюсь, может вообще отнять Православие у наших людей. Язычество ведь как возникло? Сначала была вера в единого Бога, которая потом преимущественно таким путем деградировала в многобожие. Зачем мне нужен Бог, когда поможет такой-то святой? То есть Бога я как бы еще и не отвергаю, но мне-то нужен этот святой, а не Бог.

А какое страстное сейчас искание, какая жажда чудес, при этом люди даже не задумываются о том, от Бога ли они! Святитель Игнатий настойчиво предупреждал о гибельности легковерия чудесам и искания их: «С течением времени, с постепенным ослаблением христианства и повреждением нравственности знаменосные мужи умахались. Наконец, они иссякли окончательно. Между тем человеки, потеряв благоговение и уважение ко всему священному, потеряв смирение, признающее себя недостойным не только совершать знамения, но и видеть их, жаждут чудес более, нежели когда-либо. Человеки, в упоении самомнением, самонадеянностью, невежеством, стремятся неразборчиво, опрометчиво, смело ко всему чудесному, не отказываются сами быть участниками в совершении чудес, решаются на это, нисколько не задумываясь. Такое направление опасно более, нежели когда-либо. Мы приближаемся постепенно к тому времени, в которое должно открыться обширное зрелище многочисленных и поразительных ложных чудес, чтобы увлечь в погибель тех несчастных питомцев плотского мудрования, которые будут обольщены и обмануты этими чудесами».

Правда, сейчас есть надежда, что ситуация изменится в связи с тем, что для распространения книг через систему церковной книготорговли введен гриф «Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви». Это позволит отличать православные книги от всякой псевдоцерковной самодеятельности.

— Но ведь есть в Церкви и масса умных, образованных людей — это тоже факт. А какого человека, по-Вашему, действительно можно назвать умным?

— Чем более человек умный и чем больше у него знаний, тем более он скромнее. Сократ с его «я знаю, что ничего не знаю» в этом отношении был одним из действительно умных людей. Пока мир человека не больше той ямы, в которой он сидит, то он может думать, что все знает. Но как только он начинает вылезать из ямы, то перед ним открываются всё большие просторы, и он всё больше убеждается в ничтожности своих познаний и своего ума для познания этого огромного мира. Потому Православие всё время напоминает о смирении как критерии правильного духовного состояния человека, у которого ум открыт, и он видит, что ума-то у него мало. Напротив, первый признак, по которому можно судить о своей глупости, — это быть довольным своим умом. У святителя Феофана Затворника есть замечательное высказывание: «Сам дрянь-дряню, а всё твердит: несмь, якоже прочии человецы». И, действительно, прав академик Густав Наан, который сказал: «Мало кто знает, как много нужно знать для того, чтобы знать, как мало он знает». ■

Беседовал Юрий ПУЩАЕВ

ТРОИЦКАЯ ШКОЛА

при Московском Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры объявляет набор

В воскресную школу ▶

Возраст: от 5 до 13 лет

ЗАНЯТИЯ ПРОВОДЯТСЯ ПО ПРЕДМЕТАМ: Закон Божий; История Отечества; Церковно-славянский язык; Основы рисунка и живописи; Литургика; Основы иконописи; История Церкви; Золотное шитье; Родная речь.

◀ В хор воскресной школы

Возраст: с 5 лет в младшую группу, с 7 лет в старшую группу

Хор еженедельно принимает участие в богослужениях, участвует в праздничных спектаклях, выступает с концертами и миссионерскими программами. На занятиях хора изучаются основы хорового сольфеджио. Репетиции проводятся по пятницам и субботам.

В театральную студию ▶

Занимающиеся в театральной студии, вместе с учащимися школы, родителями, педагогами, прихожанами Подворья организуют и проводят рождественские и пасхальные праздники, традиционно отмечают Масленицу концертом для братьев, родителей и прихожан Подворья.

◀ В хоровую школу мальчиков

Возраст: с 6 лет в 1-й класс, имеющих музыкальную подготовку — в 2-4 классы

ЗАНЯТИЯ ПРОВОДЯТСЯ ПО ПРЕДМЕТАМ: Церковно-хоровое пение; Сольфеджио; Постановка голоса; Фортепиано; Музыкальная литература; Церковная музыка; Закон Божий; Литургика; Церковнославянский язык.

Для мальчиков, владеющих достаточной музыкальной грамотой, возможно посещение только хоровых занятий. Занятия проходят во второй половине дня.

ОБУЧЕНИЕ – БЕСПЛАТНОЕ

Адрес: 2-й Троицкий пер., д. 6, стр. 9. Тел. для справок: (495) 684-31-64, e-mail: info@blagoslovenie.su Интернет-сайт: www.blagoslovenie.su

РЕКЛАМА